

ОГЛАВЛЕНИЕ

I	Вот и осень. Жизнь полна несправедливости. Яйцо Микоу	9
II	Микоу. Хижина и красный дракон	29
III	Зловещие стражи. Принц-дракон. Смерть	51
IV	Ахаб	65
V	Продолжение истории Ахаба. Дракон Песчаного Камня	85
VI	Ахаб и Ху Лун. Механическая рука. Преследование дракона	101
VII	Посохи. Мальчик Гильгамеш. Тайная гора	125
VIII	Три испытания: загадка, зерно и старый знакомый	144
IX	Схватка. Тётушка Осина. Разбитые сердца	168
X	Тётушка Осина и черепаха. Феникс и Кванц. Сердце, одолженное на время	193
XI	Келония. Шоколад. Сон Луны	211

XII	Тау и Майю заметили. Сказка о том, кто спасся... ..	226
XIII	Дети снов. Добрые сердца. Смерть и жизнь	238
XIV	Ещё одна одолженная вещь. Смена времён года	259
	Примечание автора	277
	Об авторах	282

I
ВОТ И ОСЕНЬ.
ЖИЗНЬ ПОЛНА
НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ.
ЯЙЦО МИКОУ

«**Ж**или-были брат с сестрой, медведь, волшебное дерево и Мальчик Йогурт...» — так начиналась наша первая книга.

Но жизнь иной раз чудеснее и непредсказуемее любой сказки. Брат и сестра ещё не догадывались, какие необыкновенные истории ждут их впереди.

С приходом осени для Тау и Майи наступили печальные деньки. Серые тучи затянули всё небо. Листья кружились в воздухе и золотым

ковром устилали землю, а пейзаж становился всё прозрачнее. В один из дней сырой осенний воздух проник в лёгкие Тау и Майи. Дети принялись чихать и кашлять, закрылись у себя в комнате и читали, а смеяться им совсем не хотелось.

Неприятности начались с того, что пришлось расстаться с Петибертусом — отправить его обратно к Дядюшке Дубу. Во время летних каникул Петибертус частенько проказничал. Нужно было срочно что-то делать, иначе мама и папа догадались бы о присутствии в доме медвежонка.

Петибертус очень полюбил заправленные постели: на них он с удовольствием прыгал, кувыркался, лакомился чем-нибудь вкусеньким, а потом мгновенно засыпал. За три недели Тау и Майя заправили больше постелей, чем за всю жизнь.

Опрокинутые кастрюли, подтекающие краны, вода на дне ванны (однажды Петибертус сделал великое открытие: душ можно запросто включать, надавив носом), непросыхающие лужи на полу...

А вдобавок ещё и холодильник. Ох уж этот холодильник! С полок то и дело исчезала еда — причём не какая-то, а самая вкусная.

Как только баночка с мёдом пустела, дети открывали копилку, вытряхивали немного мелочи и отпраплялись в магазин за мёдом. Вскоре в копилке Тау и Майи ничего не осталось. Тогда дедушка Друс достал шкатулку, где хранил сбережения, и детям удалось пополнять запасы мёда. Несколько раз Тау, Майя и Петибертус навещали Дядюшку Дуба. Мисс Дикинсон по мере сил воспитывала шаловливого медвежонка и наставляла его на путь истинный. Какое-то время её наука действовала и Петибертус вёл себя прилично.

Когда же начался учебный год, всё испортилось окончательно. В первый же день осени, оставшись дома в одиночестве, Петибертус успел нахулиганить больше, чем за всё лето. Так, вечером мама обнаружила, что кто-то заплевал оливковыми косточками всю их с папой кровать. Дедушка Друс тоже разозлился не на шутку, потому что медвежонок стащил и съел книжку с рецептами медовых тортов, которой было семьсот лет.

В довершение ко всем безобразиям медвежонок слопал Майины ноты для фортепиано. И это

за два дня до экзаменов! Майя была в отчаянии: как же ей теперь готовиться?

В ту же ночь Тау и Майя, всхлипывая и утирая слёзы, бросили в колодец четыре камешка. Они обняли Петибертуса, который тут же облизал им руки и щёки, и сели ждать медведя Умбертуса.

— Долго же вы продержались, — послышалось из глубины колодца. — Похоже, Петибертус вёл себя лучше, чем раньше... Уф, уф! А может, просто это вы такие терпеливые?

То был голос Умбертуса, который пришёл за медвежонком. Петибертус недолго думая прыгнул в колодец. Дети испугались: воды на дне достаточно, но мало ли что? Вдруг ушибётся или, наоборот, утонет?

Но медвежонок знай себе веселился! Такого ничем не проймёшь. Да и направлялся он не куда-нибудь, а домой! Тихонько порыкивая, Петибертус исчез в глубине тоннеля. Он попрощался по-своему: весело и радостно.

А Майя и Тау почувствовали первый укол печали.

II МИКОУ. ХИЖИНА И КРАСНЫЙ ДРАКОН

Первым делом дракончик Микоу переловил моль, жучков, мышей, сороконожек и пауков. Сожрал даже трёх крыс, приютившихся в переулке за домом. А заодно проглотил розы в горшочках, кактус, две пачки печенья, папин ботинок — его он потом выплюнул, но вид у ботинка после драконьих зубов был изрядно попорченный — и мамин крем для лица, которым она мазалась каждый вечер. Но и это ещё не всё: мелкий проглот оттяпал хвост у соседской кошки!

Дедушка Друс объяснил детям, что дракону следует давать как можно больше фруктов и что на чердаке хранится немного сухого китайского горошка: драконы его обожают. «Одна горошина в день, — наставлял детей дедушка, — не больше. Одной вполне достаточно!»

В отличие от Петибертуса, дракончик Микоу очень старался, чтобы никто, за исключением Тау, Майи и дедушки Друса, не догадывался о его существовании. Это оказалось не так уж сложно: он был осторожен, а перемещался просто с фантастической скоростью!

Однажды дети посадили дракончика в рюкзак и взяли с собой в школу. Это была хорошая идея: как раз в тот день учительница собиралась отменить наказание, и четверо верзил поджидали Тау и Майю у выхода из школы.

— Оставьте нас в покое хотя бы сегодня, — взмолилась Майя.

Дракон сидел в рюкзаке у неё за спиной, и она боялась, что его случайно заденут или ударят. Микоу крепко спал, потому что целый день копошился в рюкзаке, а когда никто не видел,

бросал шарики из бумаги и заглядывал в окно к третьеклашкам. Кое-кто из учеников краем глаза его заметил и даже поздоровался. Учителя потом со смехом рассказывали друг другу, какое у детей богатое воображение.

— Как ты сказала — «хотя бы сегодня»? — ухмыльнулся самый крупный верзила, старший Серражоана. — Размечталась! А ну-ка, идите сюда, головастики! Показывайте, что у вас в рюкзаках!

Тау затопал и зарычал, как маленький медвежонок. Но его быстренько скрутили. Майя бросилась на подмогу, гневно размахивая кулаками. Однако младший Серражоана ударил её по рёбрам, и она скорчилась от боли.

Старший Серражоана наклонился и открыл рюкзак.

— Так-так, сейчас узнаем, что притащили головастики с собой в школу.

Лучше бы он этого не делал!

— Пуф! — послышался странный звук. И тут же из рюкзака вырвалось облако пламени. Раздался ужасающий вопль: круглая голова верзилы стала лысой и безбровой. Над лысиной вился дымок.

Не проронив ни слова, остальная троица бросилась на Тау и Майю, чтобы хорошенько их проучить.

— Там какая-то гадость! Ну всё! Сейчас мы вам покажем!

Книги, как та, которую вы держите в руках, не имеют права лгать, даже если правда звучит сомнительно. Поэтому всё, о чём пойдёт речь ниже, происходило в точности так, как здесь описано. Кто бы ни утверждал обратное!

Приближаясь к брату и сестре со сжатыми кулаками, четверо верзил заметили, что стали стремительно уменьшаться: теперь они выглядели не как девятиклассники, а как третьеклашки. К тому же лысая голова старшего всё ещё дымилась, словно только что погашенная спичка.

Наконец все четверо уменьшились до размеров трёхлетних малышей. Охваченные паникой, они заохали и запричитали тоненькими, как комариный писк, голосишками:

— Мы будем жаловаться! Мы всё расскажем учительнице!

— Головастики, быстро сделайте нас прежними! Пожалуйста!

— Пожалуйста, ну пожалуйста!

Тау схватил двоих из них за уши, а Майя сцапала другую парочку. После удара у неё всё ещё побаливал бок, и в душе бурлила злость. Уж теперь-то они им покажут! Отыграются за все обиды.

— Если вы ещё раз к нам пристанете... — зашипела она. — Даже просто посмотрите в нашу сторону...

— Даже если вы всего лишь подумаете о нас... — добавил Тау и дёрнул за уши своих обидчиков.

— Мы превратим вас в слизняков, скользких и отвратительных!

— А потом...

— А потом мы вас вообще сотрём с лица земли! — И Майя топнула, будто раздавила гадкое и опасное насекомое.

Самому маленькому верзиле пришлось расставить ноги пошире, потому что от страха он описался. А потом все четверо побежали. Они удирали неуклюже, как лягушата, хныча и ноя на ходу.

Им хотелось одного: поскорее оказаться дома. Никто из них даже не обернулся на Тау и Майю.

Тут из рюкзака выглянула забавная мордашка Микоу: «Три дня! — проговорил дракон. — Три дня! Порядок!» Должно быть, он имел в виду, что такими мелкими верзилы останутся всего лишь трое суток, но и этого им хватит с лихвой.

Кто знает, справедливо ли подобное решение. Природа награждает и наказывает самым причудливым образом. Верно одно: в мире драконов такое в порядке вещей, нравится нам это или нет. Только где он заканчивается, мир драконов?

И ещё кое-что стало в тот день очевидным и неоспоримым: дракончик Микоу умел говорить.

Дома Тау и Майя вздрагивали от каждого телефонного звонка. В любой момент могли позвонить родители верзил. Ещё бы! Как-никак их сыновья уменьшились вдвое.

Так или иначе, брат и сестра были отмщены, и это радовало!

Одна беда: дедушка Друс снова слёг с температурой. К ним уже несколько раз заходил врач.

Осмотрев дедушку, он долго разговаривал о чём-то с мамой на кухне.

— Эй, входите, — позвал дедушка слабым голосом, услышав в коридоре шаги детей. — Только так, чтобы доктор не видел.

Тау и Майя присели на краешек дедушкиной кровати. От волнения они то и дело перебивали друг друга, перескакивали с пятого на десятое и никак не могли связно рассказать обо всём, что случилось в школе.

— Ай да Микоу, ай да малыш! — улыбнулся дедушка. — Надо же, такой маленький, а ведёт себя как самый настоящий дракон!

Заслышав эти слова, дракончик внутри рюкзака пошевелился: он гордился собой! Микоу по-прежнему старался не попадаться взрослым на глаза, но тут не удержался и высунул розовую мордочку. Дедушка его погладил.

Тем временем мама уже переговорила с врачом и направлялась в дедушкину спальню.

— Ступайте в лес, — заторопился дедушка. — Объясните Сарбатане, что я очень болен. Старая хижина... С Микоу вы не заблудитесь.

Только не отпускайте его — он ещё совсем несмышлёныш.

— Что вы здесь делаете? — возмутилась мама, обнаружив детей возле дедушки. — Больному человеку надо отдыхать. Ну-ка, марш на кухню полдничать!

Дети заметили, что вид у мамы встревоженный. Она даже говорила непривычно резко. Маму можно было понять: родителям предстояло на несколько дней уехать в командировку. За дедушкой попросили ухаживать тётушку Мойру — она временно поживёт у них в доме. Мама перечисляла, как должны вести себя дети во время их с папой отсутствия, что можно и чего нельзя делать. Но Тау и Майя её почти не слушали.

Вечер тянулся медленно и уныло. Уроки Тау и Майя учили целую вечность, но так до конца и не сделали. В доме стояла напряжённая тишина, какая бывает, когда кто-то серьёзно болен. Слышно было, как в небе над домом пролетает самолёт.

Этой ночью, уже в третий раз за последние несколько дней, Тау и Майя отправились к колодцу.

Они спускались долго: лестница отсырела и ноги скользили. За спиной у Тау в рюкзаке сидел Микоу. Пока они шагали по каменным ступеням, он то и дело царапался и повизгивал.

Наконец они достигли дна.

— Быстрее! Дедушка Друс болен, — прогремел в сумерках голос Умбертуса.

— Умбертус! — Дети бросились медведю на шею. — А мы-то думали... Мы так боялись...

— Не надо бояться, — улыбнулся медведь. — Если кого-то нет на месте, из этого не следует, что его нет вообще. Скорее всего, это означает, что он отсутствует временно и скоро вернётся. А сейчас... Ого! Чувствую запах дракона!

— Пуф! — чихнул Микоу. Яркий шар оранжевого дыма осветил туннель и белым-траву.

— Микоу, — улыбнулся Умбертус. — Вижу, у вас хорошие новости! Садитесь ко мне на спину.

И медведь помчался галопом по туннелю. Впереди их ожидала скала, за ней темнел лес, над их головами тяжело вздыхала гора. Тонкий серпик растущего месяца едва освещал кроны деревьев. Звёзд становилось всё больше. Стреко-

тали сверчки, ухали совы, чуть слышно звенела вода в ручьях и родниках. Где-то в ветвях над головами пронзительно и сладко пел соловей. Покачиваясь на медвежьей спине, дети задремали. А Микоу и вовсе крепко уснул.

На рассвете тяжело пыхтящий медведь замедлил бег и остановился. Дети соскочили на землю.

— Ступайте по этой дороге и увидите Сарбантану. Кто знает, может, она вас уже дожидается. Надеюсь, дедушка всё вам объяснил?

— Кое-что он, конечно, объяснил, но мы не уверены, что всё поняли.

— Тогда слушайте внимательно. Не доверяйте тому, что видите. Врать нельзя ни в коем случае. А мне пора, солнце всходит! Прощайте, прощайте, прощайте...

Пока они шли — а шли они довольно долго, — совсем рассвело. Солнце осветило небольшую лужайку, на которой росли четыре ореховых дерева и один раскидистый платан. Под ветками платана, усыпанными золотыми листьями, притаилась старая хижина.

Бревенчатая крыша была выложена соломой и мхом, стыки между брёвнами замазаны глиной (кое-где глина вывалилась, и в щели с четырёх сторон задувал ветер). Сверху ютилась маленькая глиняная труба. Казалось, постучишься в дверь — и хижина развалится. И в то же время она будто бы улыбалась. Изогнутая ветка грецкого ореха над крыльцом была её улыбкой, а два кривоватых окошка — глазами, с любопытством следящими за опушкой леса.

— Эй, Сарбатана! — крикнули Тау и Майя. — Выходи! Мы — Тау и Майя. Понимаешь, наш дедушка...

Дверь приотворилась. С обратной стороны её тоже покрывал мох.

Из хижины выскочила женщина, которую ещё рано было называть старухой. Высокого роста, худая, с крупными сильными руками. На голове красный платок, из-под которого выбивались русые с проседью волосы.

Увидев детей, она захохотала как безумная и повалилась на землю, где принялась кувыряться, делать сальто, бегать на четвереньках,

подобно сороконожке, хрюкать и бормотать что-то на неведомом языке.

— Постой, Сарбатана. — Голоса растерянных Тау и Майи звучали жалобно. — Погоди... Наш дедушка...

Не обращая на них ни малейшего внимания, женщина тем временем продолжала развлекать себя как могла: кидалась на деревья, грызла зубами кору и при этом истошно вопила.

— Дедушка умирает? — Внезапно она дико захохотала. — Ну и пусть себе! Тьфу, тьфу! Глупый вздорный старик!

Она набрала в рот побольше слюны и смачно плюнула.

Дети остолбенели. И не от того, как вела себя чудачка. «Дедушка умирает» — таковы были её слова. Дело в том, что Тау и Майя никогда не задумывались, что дедушка — человек, а люди, какими бы добрыми, любимыми и нужными они ни были, рано или поздно завершают земной путь и уходят. Точно так же чередуются времена года, изменяются цвет листвы и очертания гор. Весь мир постоянно меняется.

— Замолчи, Эуриссия! — донёлся из хижины сухой старческий голос. Дверь была открыта, но внутри почти ничего не удавалось разглядеть.

Сумасшедшая с визгом понеслась в лес.

— Это не Сарбатана! — прошептала Майя. — Медведь Умбертус предупреждал нас не доверять тому, что увидим.

Со стороны хижины вновь донёлся тот же голос:

— У вашего дедушки болезнь засела в груди. Я вижу её даже отсюда. Она у него с детства, с тех пор как в его жизни случилось большое горе.

— Сарбатана, скажи, чем мы можем ему помочь? — перебила её Майя.

— Где ты, Сарбатана? — спросил Тау, собираясь войти.

— Не входи! — приказал голос: казалось, это говорят брёвна, из которых построена хижина. — Если войдёте, я вас перестану видеть и мы не сможем разговаривать.

Только сейчас дети догадались: Сарбатаной звали не хозяйку, а саму хижину!

Возможно, она когда-то была человеком, деревом или волшебным созданием. Или со временем, например, превратится в старуху или мудрую девочку, умеющую разговаривать с первого дня жизни. Но об этом мы никогда не узнаем.

Старая Сарбатана попросила детей сесть прямо перед собой. О чём она с ними только не говорила! О временах года, о лесе, о сторонах луны, о рождении, взрослении и смерти, о куколке, которая превращается в бабочку, и о рецептах пирога с шелковицей и черникой.

Хижина медленно произносила слова, то и дело умолкая, чтобы собраться с мыслями, и всякий раз детям казалось, что она уже больше не заговорит.

Сарбатана объяснила, что перво-наперво дедушке для выздоровления необходима кружка драконьего молока. Второе средство показалось Тау и Майе и вовсе странным: стук сердца драконьего императора.

— В вашей дедушке тоже течёт драконья кровь, — добавила она. — Неужто не замечали?

В каждом из нас есть что-то чудесное. И каждому требуется нечто необычное.

Так, полоумная Эуриссия могла жить только внутри Сарбатаны, где потихоньку излечивалась от безумия.

Внезапно они услышали: «Пуф!» Испуганный дракончик тщетно отбивался от Эуриссии. Та пыталась засунуть его в мешок, яростно орудуя ручищами, тощими и жёсткими, как лапы насекомого.

— Эуриссия! — одёрнула её Сарбатана. — Дети, а ну-ка, быстро отнимите маленького дракона у этой чудачки! Дело в том, что спятила Эуриссия именно из-за драконов. Угораздило её когда-то влюбиться в прекрасного огненного дракона. С тех пор видеть их спокойно не может!

Тау и Майя бросились вызволять маленького Микоу из рук полоумной Эуриссии. Сарбатана как могла пыталась образумить смутьянку на своём странном языке.

Наконец дракончику удалось расправить крылышки.

— Хвост! — крикнул он. — Взять!

Дети ухватились за бархатистый и нежный драконий хвост. В этот миг они почувствовали, что сделались лёгкими, почти невесомыми. Они поднялись в воздух!

Дракончик всего лишь несколько раз взмахнул крыльями — и они уже парили над землёй! Они поднимались всё выше, выше, прямо к кучевым облакам, плывущим в небе.

— Передавайте привет дедушке Друсу! — крикнула им вслед старая Сарбатана. — Скажите, что, если он когда-нибудь вернётся, я непременно испеку его любимый пирог с мёдом и анисом. Прощайте, прощайте, прощайте!

Глаза Тау и Майи слезились от ветра (полёт был очень быстрым) и от радости. Надо же — они летят! Неужели это происходит на самом деле? Земля, плывущая под ними, напоминала рождественский вертеп.

— Дер-жи-тесь креп-ко! — время от времени говорил маленький Микоу: выглядел он не по-детски сосредоточенным. Но для невесомых Тау и Майи это было совсем не сложно. Они могли бы удержаться одним пальцем!

Поразительно: они в небе! На такой высоте до них не доносились голоса лесных зверей, пение птиц, гул и суета городов. Со всех сторон лишь тишина безбрежных небес и прохладное дыхание неутихающего ветра.

Они пролетали над густыми лесами, над пустыней, над морем. Внизу проплывали тёмные горные хребты, зелёные заливные луга, где могучие буйволы поднимали голову и провожали их взглядом, равнодушно пережёвывая жвачку. Ландшафты меняли цвет. Солнце было ещё высоко, но землю заслонили облака. Постепенно полёт замедлился. Прямо под ними безымянные реки сплетались в серебряную паутину, которая покрывала долину у подножия высокой горы. Туда они и направлялись.

Наконец Микоу приземлился у входа в огромную пещеру.

— Ту-да, — проговорил он. — Мо-ло-ко де-душ-ка Друс! Би-е-ни-е серд-ца!

Маие пришло в голову, что Микоу наверняка устал. Она достала из кармана мешочек с китайским горошком, который получила от бабушки.

Дракончик проглотил сразу три горошины, сказал «ап-чхи!», и из носа у него вылетели два фиолетовых облачка. Он мигом взбодрился и потёр лапами мордочку, потому что сам немножко испугался собственного чиха.

На одном из камней Тау заметил паучка Кафку.

— Кафка, и ты здесь? — радостно воскликнул он.

— Ну что, пришли? — уклончиво поинтересовался человек-паучок и указательным пальцем вывел на камне: «Ну что, пришли?»

— Мы прилетели вместе с Микоу, — начал Тау. — Наш дедушка Друс...

— В таком случае, — перебил его паучок (и тут же записал сказанное), — помните три заповеди: «Ничего не бойся! Ничего не жди! Ни о чём не проси!»

Входя в пещеру, брат и сестра ещё раз повторили заповеди паучка Кафки. Вдруг они их забудут и не смогут помочь дедушке?!

Но, достигнув каменных ворот, они всё же испугались. Прямо перед ними, свернувшись колбасой, возвышался невероятно большой красный

дракон. Ворота были высечены из красного камня, который отлично сочетался с цветом кожи могучего существа.

— Не бо-ять-ся... — пропищал крошечный Микоу: сам он свернулся калачиком в Майином рюкзаке и носу не показывал.

Дети остановились перед чудовищем. Они ничего не ждали — ни плохого, ни хорошего, потому что понятия не имели, чего обычно ждут в таких случаях. И ничего не просили, потому что не знали, о чём просят красных драконов. Внутренне они, конечно же, трепетали от ужаса, но не позволяли этому ужасу прорваться наружу: не вопили, не убегали и не падали в обморок. Получается, вели себя так, будто им ничуть не страшно. Пару раз они глубоко вздохнули и взялись за руки, чтобы поддержать друг друга.

Дракон поднял тяжёлое веко и приоткрыл один глаз. Радужка у него была оранжевая. Зрачок, как у кошки, сузился, чтобы лучше рассмотреть стоящих перед ним человеческих существ.

Новый дракон, который повстречался им на пути... <...>
...был раза в два крупнее предыдущего и в четыре раза
больше первого... (к с. 53)

— Кто вы такие? — тяжело выдохнул дракон. — И зачем пришли?

Детям показалось, что каменные своды пещеры задрожали и вот-вот обрушатся.

Кое-как они объяснили, что случилось с дедушкой. И что нужно им совсем немного: кружку драконьего молока да удар сердца драконьего императора. И что они ничего не ждут и ничего не просят, просто пришли — вот и всё.

Красный дракон закрыл глаз и опустил голову в уютное гнёздышко, которое соорудил из колец собственного тела.

Дети стояли в нерешительности. Они не знали, что делать. И тут каменные ворота приоткрылись. А ведь на их сплошной гладкой поверхности не было ни единой трещинки! Небольшого зазора оказалось достаточно, чтобы худенькие Тау и Майя протиснулись внутрь.

— Так и быть, — пробасил дракон, чуть заметно улыбнувшись. — Пропущу вас. Потому что вы маленькие. А я — самый маленький дракон из всех, с кем вам предстоит встретиться.

— Спасибо, дорогой дракон! — воскликнула
Майя.

— Самый маленький? — не поверил Тау.

Но дракон не ответил.

«Пчхи!» — раздалось в рюкзаке. И в тот же
миг каменные ворота захлопнулись.

